

УДК 821-161-1
ББК 83.3(2)

DOI: 10.31862/1819-463X-2022-4-11-20

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЕ РАССКАЗЫ ВСЕВОЛОДА ИВАНОВА НАЧАЛА 1920-х гг.

Е. А. Папкина

Аннотация. В статье рассматриваются рассказы Всеволода Иванова «История Чжень-Люня, искателя корня шень-жень» и «Шо-гуанг-го, амулет Великого Города» из книги «Седьмой берег», персонажи которых представляют инородцев Дальнего Востока, китайцев и корейцев, в первые пореволюционные годы. Используются культурно-исторический и сравнительный методы. В результате сопоставления художественных текстов Иванова с этнографическими источниками – описаниями путешествий Н. М. Пржевальского и В. К. Арсеньева по Дальнему Востоку – становится очевидной точность писателя в изображении традиций быта, обычаев, верований жителей региона. Поэтика рассказов: введение утопических мотивов, экзотической образности, поэтических ритмов, разнообразных, особенно цветковых, изобразительных средств – способствует созданию полуфантастической картины революционных преобразований в регионе и передает сомнения Иванова в их успехе. Благословенные города, утопические образы которых занимают важное место в книге «Седьмой берег», во время исторических катаклизмов оказываются разрушенными, ни культура, ни верования народов не обладают спасительной силой. Автор приходит к выводу, что Иванов в рассказах 1922 г. представляет судьбу Востока – в данном случае Дальнего Востока – столь же трагичной, как и всего мира, разрушаемого в эпоху войн и революций. Иное понимание ценностей культуры Востока как источника спасения для цивилизации будет представлено писателем в повести «Возвращение Будды».

Ключевые слова: Всеволод Иванов, книга «Седьмой берег», традиции инородцев Дальнего Востока, экзотика, утопические мотивы, революция, трагические финалы.

Для цитирования: Папкина Е. А. Дальневосточные рассказы Всеволода Иванова начала 1920-х гг. // Наука и школа. 2022. № 4. С. 11–20. DOI: 10.31862/1819-463X-2022-4-11-20.

© Папкина Е. А., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

THE FAR EAST STORIES OF VSEVOLOD IVANOV OF THE EARLY 1920s

E. A. Papkova

Abstract. *The article deals with the stories of Vsevolod Ivanov “The Story of Zhen-Lung, the Seeker of the Shen-Jen Root” and “Sho-Guang-Go, the Amulet of the Great City” from the book “The Seventh Coast”, the characters of which represent foreigners of the Far East, the Chinese and Koreans, in the first post-revolutionary years. Cultural, historical and comparative methods of research are used. As a result of comparing Ivanov’s literary texts with ethnographic sources – descriptions of the travels of N. M. Przhevalsky and V. K. Arsenyev in the Far East – the accuracy of the writer in depicting the traditions of life, customs, and beliefs of the inhabitants of the region becomes obvious. The story poetics – the introduction of utopian motifs, exotic imagery, poetic rhythms, various visual means, especially color ones – contributes to the creation of a semi-fantastic picture of revolutionary transformations in the region and conveys Ivanov’s doubts about their success. The blessed cities, whose utopian images occupy an important place in the book “The Seventh Coast”, are destroyed during historical disasters, neither the culture nor the beliefs of the peoples have a salvation power. The author comes to the conclusion that Ivanov in the stories of 1922 represents the fate of the East – the Far East in particular – as tragic as the whole world’s, destroyed in the era of wars and revolutions. A different understanding of the Eastern cultural values as a source of salvation for the civilization will be presented by the writer in the story “The Return of the Buddha”.*

Keywords: Vsevolod Ivanov, book “The Seventh Coast”, traditions of foreigners of the Far East, exoticism, utopian motifs, revolution, tragic outcomes.

Cite as: Papkova E. A. The Far East stories of Vsevolod Ivanov of the early 1920s. *Nauka i shkola*. 2022, No. 4, pp. 11–20. DOI: 10.31862/1819-463X-2022-4-11-20.

Имя писателя Всеволода Иванова все больше привлекает к себе внимание исследователей литературы XX в. В советское время он был известен прежде всего как автор революционной повести и пьесы «Бронепоезд 14-69» (1921, 1927). После переиздания в 2012 г. в знаменитой серии «Литературные памятники» книги Иванова «Тайное тайных» (1926) [1] и публикации «Бронепоезда 14-69», рассмотренного в контексте неизвестных ранее фактов биографии его автора (сотрудничество во фронтовой колчаковской газете «Вперед», «белый фронт» и др.) [2], существенно изменилось восприятие творчества этого оригинального писателя. Особенно это касается его произведений 1920-х гг.

В 1921–1923 гг. Иванов создает ряд произведений, действие которых происходит на Дальнем Востоке. Это повесть «Бронепоезд 14-69», рассказы 1922 г. «История Чжень-Люня» (другое заглавие – «История Чжень-Люня, искателя корня шень-жень») и «Амулет» (другое заглавие – «Шо-гуанг-го, амулет Великого Города»), впоследствии включенные автором в книгу «Седьмой берег», некоторые главы романа «Голубые пески» (1922–1923). Все они так или иначе посвящены революции, Гражданской войне, происходящему в стране коренному слою жизни и его последствиям.

Если задаться вопросом, почему писатель в этих текстах делает местом действия Дальний Восток, мы не получим

точного ответа. В Дальневосточном крае Иванов, если верить одному из разделов плана его воспоминаний «По тропинке бедствий» (1942): «Поездка на Д(альний) В(осток). – 50 000 миллионов золотом и корабли в “Золотом роге”» [2, с. 370], был в 1918 г. крайне недолго. Глава воспоминаний «История моих книг» (1957), где речь идет о рождении замысла повести «Бронепоезд 14-69», сообщает противоположное («...я никогда не был на Дальнем Востоке...») и дает следующее, позднее, обоснование выбранного места действия. После ухода на Дальний Восток бронепоезда, который стоял на пригородной станции под Петроградом и команде которого Иванов читал лекции о литературе, писатель задумывается: «Уход бронепоезда окрылил мою фантазию. / Ведь война с интервентами-белогвардейцами, оконченная в Западной Сибири, еще продолжалась на Дальнем Востоке. Вот туда-то и следует перенести действие! / Пусть оно задумано происходящим в Западной Сибири, где-то возле Красноярска – не беда! Действие проиграет в точности, рожденной личными наблюдениями <...>, зато выиграет, во-первых, в ширине и размахе: море, корабли интервентов, полный разгром белогвардейщины, во-вторых, в актуальности» [3, с. 144]. Однако подлинны ли это причины? Ведь в 1921 – первой половине 1922 г. Иванов, работая над «Бронепоездом» и книгой «Седьмой берег», еще не мог знать о «полном разгроме белогвардейщины». Дальневосточная буржуазно-демократическая республика (ДВР), образованная на Учредительном съезде трудящихся и партизан Прибайкалья (28 марта – 8 апреля 1920 г.) и ставшая «розовым» буфером, существовала до октября 1922 г. Лишь 25 октября части Народно-Революционной армии, после эвакуации из Владивостока японских

войск и частей Земской рати генерала М. Дитерихса, заняли город [4, с. 359, 367].

Актуальностью дальневосточная тема, безусловно, в это время обладала. Центральные газеты с мая 1921 г., когда во Владивостоке произошел военный переворот и внешняя и внутренняя политика ДВР перестала напрямую зависеть от руководства РСФСР, посвящали ей много внимания. «Ликвидация владивостокской авантюры неизбежна», – утверждала «Петроградская правда» 18 июня 1921 г.¹ 22 июня в Москве открылся Третий Конгресс Коминтерна, в повестке дня которого стоял восточный вопрос. Реальную угрозу для буферного государства представляла Япония, которая, как сообщала «Петроградская правда», не желая допустить, «чтобы весь Дальний Восток стал коммунистическим», оккупировала Приморье, «дала возможность вооружиться Меркулову и пробует раздуть затихший огонь Гражданской войны»². 14 декабря газета печатала «Обращение ДВР к народам и правительствам всего мира»: «Народное собрание ДВР – полномочный представитель всего населения русского Дальнего Востока – с глубоким возмущением вынуждено высказать свой решительный протест против захватнической политики Японии на русском Дальнем Востоке. Уже четвертый год продолжается вооруженное вмешательство иностранных сил в наши дела. Уже четвертый год японский штык насилует волю русского народа». Япония «фактически владеет всем русским побережьем Тихого океана», она захватила низовья Амура, русский Сахалин. «Японские войска четвертый год хозяйничают <...> во Владивостоке». «Народ русского Дальнего Востока неоднократно, при разных обстоятельствах и в разных местах, поднимал свой голос протеста против всего зла и против политики насилий,

¹ Петроградская правда. 1921. 18 июня. С. 1.

² Там же. 10 дек. С. 3.

творимых Японией. До сих пор никто не откликнулся на наш протест»¹. Здесь имеет смысл обратить внимание на следующий факт: несмотря на всю важность дальневосточного вопроса в начале 1920-х гг. и внимание к нему центральной печати, возможно, прав в своем утверждении историк В. И. Шишкин: «Как показало заключение Брестского мира, в своем стремлении во что бы то ни стало сохранить Советскую власть в центральных районах России, большевики согласны были пойти на утрату части территории страны. Аналогичные намерения прослеживались в большевистских верхах в конце 1919 – начале 1920 г. по отношению к Восточной Сибири и Дальнему Востоку» [5, с. 30].

Таким образом, реальное положение Дальневосточного региона в начале 1920-х гг. было двойственным: эта пограничная территория оказалась тогда важна не сама по себе, а как «буфер», не допускающий непосредственного военного противостояния РСФСР и интервентов. Такая двойственность, на наш взгляд, давала возможность Вс. Иванову, имевшему весьма неоднозначное отношение к произошедшей революции и лишь недавно открыто симпатизировавшему Верховному Правителю адмиралу А. В. Колчаку [6], высказать в произведении свои размышления о ее смысле и сомнения в том, что революция принесет благо для людей. Эти сомнения, как показали недавние исследования [2], присутствовали уже в статьях и рассказах 1919 г. и в «революционном» «Бронепоезде», более полно они воплотились в рассказах книги «Седьмой берег».

Сосредоточим наше внимание на двух рассказах из книги. При публикации в журнале «Сибирские огни» (1922. № 3) рассказ «Амулет» был датирован автором январем 1922 г. «История Чжень-Люня» написана примерно тогда же: в письме сибирскому писателю и другу

К. Н. Урманову от 15 января 1922 г. Иванов сообщает: «Да, я написал рассказ – “Чжень-люнь, искатель шень-жень”» [7, с. 354]. В сборнике «Седьмой берег» 1922 г. рассказы имели заглавия «История Чжень-Люня» и «Амулет», при переиздании книги в 1923 г. Иванов удлинил названия: «История Чжень-Люня, искателя корня шень-жень» и «Шо-гуанг-го, амулет Великого Города».

В текстах рассказов с самого начала присутствует указание на место действия: «Теплые горы – Сихоте-Алинь, как перстень на руке моря. А море за тайгой, а тайга между горами и морем. / В тайге тигр и барс и красный волк. А в душных и темных падах – сердце земли – корень шень-жень» («История Чжень-Люня, искателя корня шень-жень») [8, с. 272]; «Ту-юн-шан вспотел... <...> море вокруг лодок желтое, клейкое, потное. <...> Руки над водой, как цветы. Желтое море, золотые руки и над хребтом Сихоте-Алинь великой бронзы небо...» («Шо-гуанг-го, амулет Великого города») [8, с. 304]. Горы Сихотэ-Алинь, описанные в обоих рассказах, находятся на Дальнем Востоке, хребты их вытянуты вдоль Японского моря.

Центральные персонажи рассказов представляют собой инородцев Дальнего Востока – китайцев и корейцев-каули, о которых Иванов повествует с этнографической точностью. Трудно сказать, что явилось источником этнографических подробностей в этих произведениях писателя – личные наблюдения или книжные источники. К моменту написания рассказов уже были совершены путешествия Н. М. Пржевальского и В. К. Арсеньева, изданы их книги: «Путешествие в Уссурийском крае. 1867–1869» и «В дубрах Уссурийского края», в последней описаны путешествия 1906 и 1907 гг. Более всего Иванов точен в описании быта и традиций корейцев в рассказе «Шо-гуанг-го, амулет Великого

¹ Там же. 14 дек. С. 3.

Города». В портретах персонажей он подчеркивает их белые одеяния: «Надел Хе-ми белый халат, закрывающий ногти ног» [8, с. 306], «Поспешил далее посланный. Точно белый цветок повисла на кустах его кофта» [8, с. 307], «Люди в белых одеждах, с широкими, подвязанными под бородами шляпами, собирались к фанзе Хе-ми» [8, с. 310], «Вымыли каули белые одежды» [8, с. 312]. Как сообщает Н. М. Пржевальский, корейцы, с середины XIX в. эмигрировавшие в пределы России и образовавшие здесь новые колонии, живут в фанзах, «в своем домашнем быту корейцы, или, как они себя называют, каули, отличаются трудолюбием, особенно чистотой»: «Само одеяние их белого цвета уже указывает на любовь к чистоте. Обыкновенная одежда мужчины состоит из верхнего платья вроде халата с чрезвычайно широкими рукавами, белых панталон и башмаков» [9, с. 134]. Еще одна деталь. Обращаясь к жене сына, старик Хе-ми в рассказе Иванова говорит: «Ты, не имеющая имени, не мешай гореть огням...» [8, с. 327], «Тебе, жена Ту-юн-шана», женщина не имеющая имени, говорю. <...> Я, Хе-ми, знающий, говорю: первой тебе, женщине-каули, даем имя не мужа, а свое» [8, с. 328]. Отсутствие имен у корейских женщин отмечено Пржевальским: «Замечательно, что женщины у корейцев не имеют имен, а называются по родне, например: мать, тетка, бабушка и пр.» [9, с. 135]. Точен Иванов и в описании веры корейцев. «Собственно в Корее две религии: буддийская и религия духов, состоящая в поклонении разным божествам и гениям» [9, с. 135], – пишет Пржевальский. На поклонение духам указывает и Иванов: «И пока ловцы спустили вилы в воду, – четырем духам: севера, востока, юга и запада – вознесил Хе-ми заклинания. Седые, древние молитвы, верные» [8, с. 304].

История Чжень-Люня, как и другие китайцы, бежавшего «к русским, в тайгу», потому что «Китай плохо... Китай совсем

кушать... нету... Китай беги, беги-мало-мало» [8, с. 276], также имеет реальную, историческую основу. В редакторском примечании к книге Пржевальского указано, что эксплуатация, усилившаяся после завоевания Китая маньчжурами, приводила к побегам от хозяев: «Эти беглецы находили убежище на территории современного Приморского края. <...> Основная масса китайцев появилась в Приморье в 70–80-х гг. XIX в. Это были китайские отходники, которые шли в пределы России в поисках заработка. Это население не было постоянным. Значительная часть его регулярно мигрировала за границу, как только зарабатывала средства, необходимые для приобретения на родине участка земли» [9, с. 106]. Так и Чжень-Люнь мечтает уехать в Шанхай, «купить фанзу, жену, много опиума...» [8, с. 273]. Средство для того, чтобы разбогатеть, он находит подобно многим другим китайцам: он ищет шень-жень. Драгоценный корень герой Иванова именно ищет, а не сажает на грядках, как насадил рис. Пржевальский, рассказывая о богатствах Уссурийского края, называл среди прочего «дорогой корень женьшень, ценимый в Китае на вес золота», причем отмечал, что дикорастущий корень стоит значительно дороже, чем выращенный на плантациях [9, с. 106–107]. Имеется в рассказе Иванова и отсылка к реальному топониму: город Никольск, куда идет китаец продавать женьшень, очевидно, образован от двух реальных топонимов, которые называет Пржевальский, – станции Нижне-Никольской и деревни Никольской [9, с. 314, 316]. Не точен Иванов в одном: описывая встречу Чжень-Люня с тигром, писатель подчеркивает, что перед героем «священный тигр, нельзя такого тигра бить» [8, с. 274] и, соответственно, китаец не может этого сделать, хотя тигр, в его представлении, находится именно там, где растет женьшень. В действительности, как указывают Пржевальский и Арсеньев, тигр

являлся священным животным не у китайцев, которые ловят и убивают их [9, с. 254], а у гольдов – представителей маньчжурской группы народов Дальнего Востока [10, с. 6]. «Гольды страшно боятся его и даже боготворят. Завидев тигра хотя издали, гольд бросается на колени и молит о пощаде» [9, с. 127]. Именно так ведет себя Дерсу Узала в книге Арсеньева «В джунглях Уссурийского края» [11, с. 160].

Этнографическая точность в этих двух рассказах Иванова не удивительна: начиная с творчества сибирского периода писатель, возможно, не без влияния известного омского писателя А. С. Сорокина, с которым тесно общался в 1917–1920 гг., уделял много внимания быту, верованиям, традициям народов, населяющих Сибирь. Однако, в отличие, например, от написанного в реалистической стилистической манере рассказа «Жень-шень» Урманова (Искусство, 1922, № 2), точность описания сочетается у Иванова с приемами условно-символической поэтики. Оба рассказа отличаются яркой образностью: красочные, неожиданные сравнения, эпитеты, особенно цветочные, метафоры, олицетворения. Преобладает стилистика ритмической прозы, особенно ярко проявляющаяся в лирических отступлениях:

«Эх вы, камни теплого моря, ноздреватые и легкие, как раковина. И волны – голубые раковины и небо – шумящая морем зеленая раковина!.. <...>

А руки мои – водоросли по голубому песку. Нет, песок мои руки – теплый, пахучий и легкий, как волны... По колени, по колени ступайте, люди – теплый и мягкий, как губы, песок!

Живу!..» (История Чжень-Люня...) [8, с. 280].

В рассказе «Шо-гуанг-го, амулет Великого Города» в таком же ключе написано «Славословие травам и водам»:

«– Цепкие руки вод на моих плечах. Клекут губы трав на сердце.

– Ты видишь, жмурятся забагровевшие волны? Захлебываются водой

скалы?.. То – волосы мои, насыщенные жутким жаром моря. То – зубы моей радости замедлились над хилым ветром...» [8, с. 311].

Несмотря на жизнеутверждающую радость лирических отступлений, сюжеты обоих рассказов трагичны: надежды героев сменяются крахом, а затем и гибелью самих героев. В обоих случаях эти сюжеты связаны с революцией и Гражданской войной. Встреченный русский «капитана», как называет его Чжень-Люнь (как свидетельствует книга Арсеньева, так вообще обращались к европейцам представители инородцев и разных туземных племен) рассказывает китайцу, надевавшемуся продать драгоценный корень и разбогатеть, о разрушении на Востоке привычного уклада жизни: «Нет капитанов, манза. Нет русских, шень-жень не покупают. Китаю нет, бежит народ – бьет друг друга, бежит» [8, с. 276]. Впоследствии и сам Чжень-Люнь видит «уголь, пни от изб» вместо поселков, «на полях дикий, страшный хлеб» [8, с. 281], а «весь город был уголь и травы»: «Кирпичные толстые трубы, где были раньше железные клетки, свалились. От железных клеток уцелела затянута травами печь» [8, с. 281] (железные клетки – это, судя по всему, вагоны поезда). Интересно, что почти апокалиптическую картину Иванов рисует тем же языком, каким пел о радости бытия:

«Раньше были в море шаланды и джонки. Китайцы и корейцы длинными крючками ловили морскую капусту.

Заросло море водорослями, как теленок шерстью.

Шаланды сгорели, нет шаланд.

И больших шаланд с трубами в кедр нету. Должно быть, сгорели большие шаланды.

Потому что море кругом – водоросли. И волна лохматая, как таежная кочка. Пахнет с моря гнилью» [8, с. 282].

Мысли Чжень-Люня носят столь же апокалиптический характер:

«А зачем Чжень-Люню шень-жень?.. Чжень-Люнь в Китай не попадет... Может, и Китая нет, может, как русская кумирня, сгорел Китай!.. И Шанхай сгорел... Может, никого на земле нету, один Чжень-Люнь» [8, с. 283].

Героям рассказа «Шо-гуанг-го, амулет Великого Города», корейцам, добывающим для японцев («круглоголовых») морскую капусту, революция представляется в столь же причудливых, полуфантастических образах. Они ждут «русского», на груди у которого пятихвостый амулет (имеется в виду красная звезда) «из Великого Города... дал ему самый большой русский – Ле-и-но...» Русский говорит, что «круглоголовых людей с островов в Корею не будет. Будут люди с широких земель, с широкими, как у медведя, сердцами» [8, с. 306–307]. Русского убивают японцы, и надежды рушатся: «Живой русский увел бы, мертвый куда поведет?» Вдохновленные мечтой о Великом Городе, «сладком городе» [8, с. 317], каули отправляют сына старейшины, молодого Ту-юн-шана, с амулетом, снятым с одежды русского, искать других русских, но он погибает во льдах. Описание гибели выполнено опять-таки в той же стилистике, что и славословие травам: «Льды выходят с гор, как тучные, синие коровы. Прут широкими животами в скалы – поет-жалуется камень. А Ту-юн шан на льдах, как пыль. <...> Загнуть этого человека в кольцо, подхватить под полы и по льдам. Звенят льды, поют. Звенят скалы, поют» [8, с. 324–325]. Возможно, Иванов таким способом как бы маскирует трагический сюжет. Не случайно советские критики, в том числе и такие внимательные, как А. К. Воронский, придавали большое значение атмосфере радости в произведениях Иванова, противопоставляя его стилевую манеру трагическому звучанию произведений писателей-современников. Финал рассказа открытый. Гадает у фанзы ночью старик Хе-ми, и древний обряд предсказывает каули счастье: «Над

прудами цветет черемуха. Цапля стоит у фанзы. Так будет у тебя дома...». А на следующее утро «двухмачтовая японская фуне, огибая голубые скалы Туанайоши, подплывала к южному берегу – к бухте, к промыслам морской капусты – уаханга» [8, с. 328]. Нетрудно угадать, как поведут себя круглоголовые с мечтавшими о Великом Городе корейцами-каули.

Два данных рассказа, как и вся книга «Седьмой берег», построены на разрушении в сознании людей различных утопических образов благословенных городов (Шанхай и Великий Город, видимо – Москва). Причем разрушение это происходит именно после революции, и спасительной силой не обладают ни традиции, ни верования того или иного народа. Отметим, что размышления китайца в финале рассказа «История Чжень-Люня, искателя корня шень-жень» перекликаются с безрадостными мыслями мужика Кузьмы из сибирской деревни Семилужки (рассказ «Жаровня архангела Гавриила»), верящего, что можно от воюющих белых и красных уйти «в город Верный, который под водой плывет» [8, с. 294]: «Может, и взаболъ не провалился, да может, и самово-то города Вернова нету, а так для утешения своего люди придумали» [8, с. 304]. Разрушение мечты в книге «Седьмой берег» носит тотальный характер: недостижимы ни благословенная земля, где «хлебушко спеет за три недели» [8, с. 211], из рассказа «Полая Арапия», ни «спокойные земли» [8, с. 220] из рассказа «Лоскутное озеро», ни город Верный, ни Шанхай, ни Великий Город, где живет Ле-и-но. Везде война и гибель.

Дальневосточные рассказы находятся в русле давних, еще периода 1916–1917 гг. и спора с сибирскими областниками о новой цивилизации в Сибири, которая будет рождена соединением культур Европы и Азии, размышлений Иванова о Востоке и Западе, роли восточной и западной ментальности в грядущей судьбе России [12]. Путь к

Востоку, не затронутому разрушительными катаклизмами начала XX в., будущие евразийцы в книге «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев» (София, 1921) называли спасительным для России. Вспомним предчувствие философа и культуролога П. Н. Савицкого: «...не уходит ли к Востоку богиня культуры, чья палатка столько веков была раскинута среди долин и холмов европейского запада?» [13, с. 3].

Однако Иванов, уроженец Западной Сибири, уже в ранних произведениях с горечью писал о трагической судьбе инородцев родного края: «Весь народ степей вымирает. Как мухи осенью», – предрекая им гибель от прихода европейской цивилизации: «...народ Ветхого Завета исчезнет. В степи будут иллюзионы, велосипеды и газеты» («Отверни лицо твое, 1919») [14, с. 126–127].

И в рассказах начала 1922 г. судьба Востока – в данном случае Дальнего Востока и Китая – для Иванова столь же безрадостна, как и Запада, как и всего мира. В этих текстах разрушение мира в катаклизмах революции и Гражданской войны представляется писателю едва ли не абсолютным: «Может, никого на земле нету» [8, с. 283]. Выехавшие на заросшую травой площадь города некие

всадники (не уточняется, красные или белые) выбрасывают собранные Чжень-Люнем драгоценные корни: «И как такую пропастину едят, а?» [8, с. 283]. Интересно, что если в произведениях конца 1910 – начала 1920-х гг., например рассказах Е. И. Замятина «Мамай» и «Пещера» (1920), разрушенным автору представляется Петербург, воплощающий собой цивилизацию Запада, в романе Б. А. Пильняка «Голый год» (1921) – средняя Россия (Москва, Нижний Новгород и город Ордынин), то Иванов распространяет эту мысль на Восток.

Лишь в следующей своей книге, «Возвращение Будды», написанной в самом конце 1922 г. или начале 1923 г., писатель противопоставит Запад Востоку, и именно там, на Востоке, будет искать спасения для разрушаемой цивилизации его герой, профессор Сафонов: «Двигаясь все время, не размышляя о смысле движения, Европа пришла в тьму. Восток неподвижен, и недаром символ его – лотосоподобный Будда» [15, с. 57–58]. Но это будет уже не Дальний, а древний Восток, представленный «мудрой философией буддизма [16, с. 69] и произведениями древней китайской поэзии, в частности поэта Х в Сыкун Ту [17, с. 46–47].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Иванов В. Тайное тайных / изд. подгот. Е. А. Папковой, отв. ред. Н. В. Корниенко. М.: Наука, 2012. 566 с. (Сер.: «Литературные памятники»).
2. Всеволод Иванов. «Бронепоезд 14-69»: Контексты эпохи / сост. Е. А. Папкова, отв. ред. Н. В. Корниенко. М.: ИМЛИ РАН, 2018. 736 с.
3. Иванов В. История моих книг // Наш современник. 1957. № 3. С. 120–140.
4. Штырбул А. А. Покушение на Колчака: историческое расследование. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2012. 392 с.
5. Шишкин В. И. Дальневосточный регион как геополитический фактор в начале 1920-х гг. // Дальний Восток России в контексте мировой истории: от прошлого к будущему: тез. докл. и сообщ. Междунар. науч. конф. Владивосток: Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, 1996. С. 30–31.
6. Папкова Е. А., Лоцилов И. Е. Всеволод Иванов. Корреспонденции из газеты «Вперед» (август – сентябрь 1919 года) // Сюжетология и сюжетография. 2020. № 2. С. 7–38. DOI: <https://doi.org/10.25205/2410-7883-2020-2-7-38>.

7. Иванов Вс. Тайное тайных. Рассказы и повести. Письма / сост. Вяч. Вс. Иванов, Е. А. Папкина. Новосибирск: ИД «Свинья и сыновья», 2015. 400 с.
8. Иванов Вс. Бронепоезд 14-69. М.: Вече, 2012. 352 с. (Сер.: «Сделано в СССР. Любимая проза»).
9. Пржевальский Н. М. Путешествие в Уссурийском крае. 1867–1869. Владивосток: Дальневост. книж. изд-во, 1990. 333 с.
10. Материалы по туземному вопросу на Дальнем Востоке. Вып. 1. Современное состояние туземных племен Дальнего Востока. Чита: Изд-во туз. подотд. отд. упр. ДВК, 1924. 40 с.
11. Арсеньев В. К. В дебрях Уссурийского края. М.: Мысль, 1987. 492 с.
12. Папкина Е. А. Всеволод Иванов и сибирское областничество // Вопросы культурологии. 2014. № 3. С. 72–78.
13. Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев / П. Н. Савицкий, П. П. Сувчинский, кн. Н. С. Трубецкой, Г. Флоровский. София: Рос.-Болг. книгоизд-во, 1921. 125 с.
14. Неизвестный Всеволод Иванов: Материалы биографии и творчества / отв. ред. Е. А. Папкина. М.: ИМЛИ РАН, 2010. 784 с.
15. Иванов Вс. Возвращение Будды. Повесть. М.: Мосполиграф, 1924. 69 с.
16. Банерджи Р. Повесть Всеволода Иванова «Возвращение Будды»: символика названия // Сюжетология и сюжетология. 2020. № 2. С. 63–71. DOI: <https://doi.org/10.25205/2410-7883-2020-2-63-71>.
17. Папкина Е. А. Реальная и экзотическая Сибирь в повести Всеволода Иванова «Возвращение Будды» // Сюжетология и сюжетология. 2020. № 2. С. 39–52. DOI: <https://doi.org/10-25205/2410-7883-2020-2-39-52>.

REFERENCES

1. Ivanov Vs. *Taynoe taynykh*. Ed. by E. A. Papkova, N. V. Kornienko. Moscow: Nauka, 2012. 566 p. (Ser.: “Literaturnye pamyatniki”).
2. Vsevolod Ivanov. “Bronepoezd 14-69”: Konteksty epokhi. Ed. by E. A. Papkova, N. V. Kornienko. Moscow: IMLI RAN, 2018. 736 p.
3. Ivanov Vs. Istoriya moikh knig. *Nash sovremennik*. 1957, No. 3, pp. 120–140.
4. Shtyrbul A. A. *Pokushenie na Kolchaka: istoricheskoe rassledovanie*. Omsk: Izd-vo OmGPU, 2012. 392 p.
5. Shishkin V. I. Dalnevostochnyy region kak geopoliticheskiy faktor v nachale 1920-kh gg. Dalniy Vostok Rossii v kontekste mirovoy istorii: ot proshlogo k budushchemu. *Proceedings of International scientific conference*. Vladivostok: In-t istorii, arkheologii i etnografii narodov Dalnego Vostoka DVO RAN, 1996. Pp. 30–31.
6. Papkova E. A., Loshchilov I. E. Vsevolod Ivanov. Korrespondentsii iz gazety “Vpered” (Aug.–Sept. 1919). *Syuzhetologiya i syuzhetografiya*. 2020, No. 2, pp. 7–38. DOI: <https://doi.org/10.25205/2410-7883-2020-2-7-38>.
7. Ivanov Vs. *Taynoe taynykh. Rasskazy i povesti. Pisma*. Ed. by Vyach. Vs. Ivanov, E. A. Papkova. Novosibirsk: ID “Svintyin i synovia”, 2015. 400 p.
8. Ivanov Vs. *Bronepoezd 14-69*. Moscow: Veche, 2012. 352 p. (Ser.: “Sdelano v SSSR. Lyubimaya proza”).
9. Przhevalskiy N. M. *Puteshestvie v Ussuriyskom krae. 1867–1869*. Vladivostok: Dalnevost. knizh. izd-vo, 1990. 333 p.
10. Materialy po tuzemnomu voprosu na Dalnem Vostoke. Iss. 1. Sovremennoe sostoyanie tuzemnykh plemen Dalnego Vostoka. Chita: Izd-vo tuz. podotd. otd. upr. DVK, 1924. 40 p.
11. Arsenyev V. K. *V debryakh Ussuriyskogo kraya*. Moscow: Mysl, 1987. 492 p.
12. Papkova E. A. Vsevolod Ivanov i sibirskoe oblastничество. *Voprosy kulturologii*. 2014, No. 3, pp. 72–78.
13. Savitskiy P. N., Suvchinskiy P. P., kn. Trubetskoy N. S., Florovskiy G. *Iskhod k Vostoku. Predchuvstviya i sversheniya. Utverzhdenie evraziytssev*. Sofiya: Ros.-Bolg. knigoizd-vo, 1921. 125 p.

14. Papkova E. A. (ed.) *Neizvestnyy Vsevolod Ivanov: Materialy biografii i tvorchestva*. Moscow: IMLI RAN, 2010. 784 p.
15. Ivanov Vs. *Vozvrashchenie Buddy. Povest*. Moscow: Mospoligraf, 1924. 69 p.
16. Banerdzhi R. Povest Vsevoloda Ivanova “Vozvrashchenie Buddy”: simbolika nazvaniya. *Syuzhetologiya i syuzhetografiya*. 2020, No. 2, pp. 63–71. DOI: <https://doi.org/10.25205/2410-7883-2020-2-63-71>.
17. Papkova E. A. Realnaya i ekzoticheskaya Sibir v povesti Vsevoloda Ivanova “Vozvrashchenie Buddy”. *Syuzhetologiya i syuzhetografiya*. 2020, No. 2, pp. 39–52. DOI: <https://doi.org/10-25205/2410-7883-2020-2-39-52>.

Папкива Елена Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук
e-mail: elena.iv@bk.ru

Papкова Elena A., PhD in Philology, Associate Professor, Senior Research Fellow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences

e-mail: elena.iv@bk.ru

Статья поступила в редакцию 23.05.2022

The article was received on 23.05.2022